
«Чура. Балтийский узел»
@yy_Leonidov

@yy_Leonidov

«Чура. Балтийский узел»

«Автор»
2026

@yy_Leonidov

«Чура. Балтийский узел» / @yy_Leonidov — «Автор», 2026

2025 год. В службу «Чура» сверху спускают пилотный проект: искусственный интеллект, который видит связи, недоступные человеку. Ветеран службы Андрей Соболь не верит алгоритму, но приказ есть приказ.Первое дело — Калининград. В сеть утёк фрагмент закрытого комплекса, и модель уверенно указывает на инженера порта. Москва требует результата к совещанию, генералы подписывают версию. Соболь замечает несостыковку: у подозреваемого нет доступа к тому, что утекло.Пока группа тянет время, настоящий канал уходит через судоремонтную компанию с иностранным капиталом. А человек, которого модель когда-то забраковала, доказывает ей, что она ошибается, — ценой чужой жизни.Дело закрывают с формулировкой «алгоритм указал направление». «Чура» выходит из него с закрытым отчётом и открытым вопросом: кто на самом деле правит моделью.Алгоритм видит паттерны. Людей он не видит.Книга создана с использованием ИИ.Автор — @yy_Leonidov. AI-редактор — Veruna.

© @yy_Leonidov, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пилот 5
Конец ознакомительного фрагмента. 10

@yy_Leonidov
«Чура. Балтийский узел»

Глава 1. Пилот

Сцена 1. Порт (Калининград, сентябрь 2025, ночь)

Дождь начался в десять и к одиннадцати стал ровным, без порывов, — такой, при котором не мокнешь сразу, а промокаешь постепенно, как бумага.

Он стоял под навесом у ворот, и в телефоне было 23:14. Встречу назначили на полночь, а он приехал за сорок минут. Привычка, от которой он так и не избавился: приходить раньше и потом жалеть об этом.

Терминал работал. Через каждые две минуты кран поднимал контейнер и переносил его на площадку — медленно, как будто взвешивал. Внизу горели прожекторы на мачтах, и в их свете дождь был виден до самой воды.

Он поправил воротник и пошёл к КПП.

— Пропуск, — сказал охранник, не поднимая головы.

Пропуск был настоящий. Оформлен на фирму, которая существовала, платила налоги и занималась грузами. Он положил его на стойку и стал смотреть, как охранник сверяет фамилию, — слишком прямо, как смотрят люди, которым нечего скрывать и которые очень хотят, чтобы это было заметно.

— Камера, — сказал охранник.

Он поднял глаза на камеру. В маленьком экране на стойке было видно его лицо: мокрое, спокойное, чужое.

— Проходите.

За воротами пахло соляркой и мокрым железом. Он шёл вдоль контейнеров, считая номера, и на двенадцатом остановился. Здесь.

Человек в рабочей куртке стоял у стены контейнера, спиной к нему, и курил. Курил он редко и всегда до половины.

— Долго, — сказал человек, не оборачиваясь.

— Пробки.

— В порту?

— На подъезде.

Человек обернулся. Лет сорока, лицо обыкновенное, из тех, что не запоминаются, — и это было единственное, что о нём говорило. На левом запястье — часы с металлическим браслетом, без всяких излишеств.

— Привёз?

— Привёз.

Он достал из внутреннего кармана сложенный пакет — плотный, серый, с плоским предметом внутри, размером с пачку сигарет.

Человек взял пакет, но не открыл. Посмотрел на него, взвесил на ладони и убрал за пазуху.

— Всё?

— Всё.

Человек помолчал. Где-то за контейнерами залаяла собака, коротко и без злобы, и сразу замолчала.

— Скажи им, — произнёс он наконец, — что это не всё изделие. Только то, что я успел.

— Что это значит?

— Это значит то, что значит.

Он ждал продолжения. Продолжения не было. Человек выбросил сигарету, придавил её носком ботинка и пошёл к крану — не оглядываясь, ровным шагом, как ходят люди, у которых ещё смена.

Он остался стоять с пустыми руками и с ощущением, что его использовали не до конца.

Обратно шёл тем же путём. Охранник на КПП не поднял головы. Камера проводила его тем же взглядом, что и встретила.

В машине он включил печку и минуту сидел, не трогаясь с места. Потом достал телефон, открыл переписку — три сообщения, все от него, — и удалил её целиком. Приложение спросило, уверен ли он. Он нажал «да».

Дворники смахнули воду. Впереди был мост, за мостом — город, за городом — граница, до которой отсюда было ближе, чем до Москвы.

Он поехал.

И всю дорогу не мог избавиться от мысли, что «изделие» — это не то, что он вёз, а то, что осталось у человека в рабочей куртке.

Сцена 2. Оперцентр (Петербург, утро, через три месяца)

Лифт в здании на Литейном работал через раз, и Соболь поднимался пешком. Пятый этаж, две лестницы, привычка, от которой к пятидесяти двум годам начала побаливать левая коленка.

Он пришёл в 7:40. Раньше всех, как всегда.

В коридоре пахло кофе и мокрым асфальтом. Кто-то уже открыл окно на лестнице — проветрить, — и ветер шевелил прикреплённый скотчем лист с графиком дежурств.

В оперативном зале было три доски. Так получилось само: сначала одну поставил Илья под морские дела, потом Гущин притащил вторую под военные, потом Северова молча заняла третью и повесила на неё карту с фамилиями чиновников. Соболь тогда сказал: «Хоть так порядок», — и с тех пор доски считались границей между направлениями.

На доске Веретенникова висели порты: Калининград, Мурманск, Новороссийск. Рядом — распечатки с судоремонтными заводами и несколько фотографий причалов, снятых с дрона. На доске Гущина — флот, заводы, три закрытых НИИ и схема поставок, нарисованная от руки. Северова держала на своей доске то, чего не любила показывать: фамилии, должности, связи, тонкие линии между прямоугольниками.

Соболь налил воды из графина, сел за стол и разложил перед собой три папки. Бумажные. Он знал, что это вызывает раздражение у половины службы, и не собирался ничего менять.

В дверь постучали.

— Можно? — Дёмин вошёл, не дожидаясь ответа, и положил на край стола стопку листов. — Отчёт по вчерашнему. Ничего. Проверили ещё раз, ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем. Мужик чистый, как стекло. Только стекло это мы теперь месяц будем мыть.

Соболь просмотрел верхний лист и подписал.

— Отпуск?

— Отменили, — сказал Дёмин без выражения. — Приказ.

— Кто отменил?

— Не я.

— Понятно.

Дёмин постоял, переминаясь, и добавил:

— Андрей Николаевич, у нас людей на две смены. Если ещё одно дело — я буду наружку вербовать из уборщиц.

— Уборщицы знают больше, чем наружка.

— Это не шутка?

— Это описание.

Дёмин ушёл, а Соболь дописал на листе: «Люди. Смены. Сроки» — три слова, которые значили одно: он опять будет просить и опять не получит.

В зале появилась Верещагина. Ноутбук она несла на вытянутых руках, будто тот мог укусить.

— Камеры на набережной опять не пишут, — сказала она с порога. — Три из шести.

— Почему?

— Потому что мы ставим их десять лет и не меняем. Одна уже просто умерла, у неё дата последней записи — прошлый март.

— Починить можно?

— Можно заменить. Починить — это когда есть запчасти и человек, который в этом разбирается. У нас есть я и отвёртка.

Соболь кивнул. Верещагина подождала, не скажет ли он чего-нибудь ещё, и ушла в свой угол, где горела настольная лампа и стояли три системных блока.

В половине девятого пришёл Илья. Он всегда входил так, будто боялся, что его прогонят: быстро, боком, с наушниками на шее.

— Андрей Николаевич, посмотрите.

Он развернул на экране сводку: таблица, поверх неё — граф связей, тонкие линии, узелки, подписи.

— Вот здесь пересечение: три фирмы, один склад, один человек. Я проверил по открытым — сходится.

— Распечатай.

— В смысле — распечатать? Там связей сорок.

— Распечатай сорок.

Илья вздохнул, но пошёл к принтеру. Через минуту из коридора донёсся звук, с которым принтер зажёвывает бумагу.

В 9:10 зазвонил телефон на столе — тот, городской, с длинным номером.

— Соболь.

— Андрей Николаевич, здравствуйте, — сказал Ланской. Голос у него был вежливый и немного виноватый, как всегда. — Вам доводят: завтра к вам приедет Пётр Сергеевич Гринёв. Из Москвы.

— Зачем?

— С проектом.

— С каким проектом?

— С новым, — сказал Ланской и, помолчав, добавил: — Мне формулировку не дали. Сказали: «с проектом».

Соболь обвёл глазами три доски, людей, распечатки, которые Илья уже раскладывал на столе.

— Хорошо. Пусть приезжает.

Он нажал отбой и некоторое время сидел неподвижно. Потом встал и пошёл вниз — в архив.

В подвале было тепло и пыльно. Горела одна лампа. Стеллажи уходили в темноту, на корешках — бирки с годами, и Соболь шёл вдоль них, пока не нашёл нужный.

Он взял папку, сел на табурет и раскрыл её на первой странице. Дело было старое, чужое, давно закрытое. Он читал его двадцать минут и почти успокоился.

Здесь, внизу, не было ни Москвы, ни проектов, ни моделей. Были бумага, почерк и люди, которых он когда-то знал.

Наверху хлопнула дверь. Кто-то шёл по коридору и что-то говорил — весело, громко, не по делу.

Соболь закрыл папку и поднялся.

Сцена 3. Презентация (Петербург, тот же день)

Гринёв приехал на следующее утро, в девять, с двумя сумками и без пальто — как человек, который заранее решил, что здесь ему понравится.

В конференц-зале было холодно. Проектор стоял на столе, шнур тянулся через весь кабинет к розетке у двери, и Гущин демонстративно переступал через него, каждый раз всё более выразительно.

— Коллеги. Спасибо, что собрались. Постараюсь коротко.

Он говорил хорошо — не так, как говорят начальники: без пафоса, с удовольствием от собственных слов.

— За последние два года изменилось то, что теперь называют скачком. Появился инструмент, который видит в данных то, чего человек не увидит никогда: связи, совпадения, последовательности. Не потому, что он умнее. Потому, что он не устаёт и не жалеет людей.

Слайд, второй слайд, схема.

— У нас мало оперативников и много бумаги. «Чура-2» не заменит оперативника. Она сузит круг: вместо тысячи фамилий — пять, вместо месяца — день.

Он нажал клавишу. На экране открылся граф: узлы, линии, подписи.

— Пример. Открытые данные за квартал по одному региону. Три фирмы, один склад, один человек. Пересечения видны за минуту. Человек справится? Справится. За неделю. Вопрос — сколько у нас недель.

Илья сидел, подавшись вперёд, и уже что-то писал в блокноте.

— Какой объём на входе?

— Любой, который дадите. Закрытые данные — по регламенту.

— А веса? Можно посмотреть, как считается?

— Можно. Но там мало интересного: матрицы, коэффициенты. Вам не понравится.

— Мне понравится.

Гущин откинулся на стуле.

— А спросить, зачем человеку это нужно, она может?

— Не может. — Гринёв не стал смягчать. — И это честный ответ. Она показывает вероятность. Зачем человек пошёл на склад ночью, знает только человек.

— То есть мы всё равно идём и спрашиваем?

— Вы идёте и проверяете. Она подсказывает, куда идти.

Северова, до этого молчавшая, оторвалась от блокнота.

— Кто её учил?

В зале стало тихо.

— В прямом смысле. На каких данных обучали модель. Кто их собирал и по какой методике.

— Данные исторические. Архивные дела, статистика, открытые источники. Всё по линии, всё согласовано.

— Понимаю. — Она кивнула и записала что-то в блокнот.

Соболь слушал и смотрел на экран.

— Пётр Сергеевич. Вот тут у вас человек. Почему он?

— Прогноз неблагонадёжности ноль восемь десятых.

— Это я вижу. Я спрашиваю, почему.

— Модель не объясняет путь. Она выдаёт результат.

— То есть я должен прийти к человеку и сказать: извините, вас посчитала машина?

— Вы должны проверить. Как делали это двадцать восемь лет.

Соболь помолчал.

— Условие. Версии проверяются людьми. Любая цифра — повод, а не основание. Если я говорю, что версия не сходится, её снимают.

— Согласен.

Слишком быстро, подумал Соболь. Так соглашаются люди, которые знают, что условие не придётся выполнять.

— Тогда всё. С завтрашнего дня модель работает с вашей группой. Первое дело уже есть.

Он открыл папку и выложил на стол тонкий лист.

— Калининград. Утечка. Материал ушёл в сеть в сентябре, всплыл в начале этой недели. Нужно понять, кто.

Соболь взял лист. В левом верхнем углу — пометка от руки: «Приоритет. Срок — до совещания».

— Чьё это?

— Москвы.

— Понятно.

Он сложил лист пополам и убрал во внутренний карман.

Гущин поднялся первым и вышел, не попрощавшись. Северова собрала блокнот и задержалась у двери, глядя на экран, где всё ещё висел граф.

— Красиво. Как карта метро.

— Это метафора?

— Нет. — И вышла.

Илья остался сидеть, глядя на экран так, как смотрят на что-то, что впервые в жизни объясняет мир.

Соболь вышел последним. В коридоре он достал лист, развернул его и прочитал ещё раз, медленно, до последней строки.

Калининград. Утечка. Срок.

Он поднялся на пятый этаж, вошёл в зал и повесил лист на свободный кусок стены — между тремя досками, ровно посередине.

— Работаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.